

Появившись в начале семидесятых годов в Союзе писателей на улице Пятой Армии, совсем ещё юный Борис Архипкин удивил всех нас неожиданной новизной своей лирики, яркой образностью и каким-то особенным, неповторимым чтением стихов, и не только собственных.

Так, как он читал, допустим, Блока, так никто не читал. Даже наши близкие друзья-артисты. Вообще, к поэзии он относился трепетно, как к святыне. Читал стихи только стоя, сидя — никогда! Мне нравились в его исполнении блоковские «Поэты»:

*За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты и каждый встречал
Другого надменной улыбкой...*

Если просили почитать, Боря сосредоточенно вставал, в нём уже шла едва заметная подготовка к чтению вслух, этакое скрытое вслушивание в себя, потом произносилась первая строка.

— **За городом вырос пустынный квартал**, — сообщалось нам без особого нажима, вполголоса, но как-то очень доверительно, мол, взгляните в этот аскетический ландшафт, представьте его, — **на почве болотной и зыбкой**, — продолжал Борис, и на этой строке он чуть заметно повышал голос, чтобы поведать нам нечто удивительное. Звучание было наполненным, дикция чёткой, интонация выверенной.

— **Там жили поэты**, — **и каждый встречал**, — произносил он нежно, любовно, акцентируя слово ПОЭТЫ. Он это слово подчёркнуто выделял, выговаривал его торжественно и проникновенно, округляя звук «о» и растягивая «э» — ПОЭ-э-ты, тем самым видя в поэтах истинных богов.

Затем, чуть виновато, чуть снисходительно, но с долей умиления и восторга заканчивал первую строфу:

— **Другого надменной улыбкой**, — и в этой извинительной интонации чудилось: Не судите их строго — это же **ПОЭТЫ!**

Примерно с такими же переживаниями, с тем же участием, но с ещё большими душевными всплесками читалось всё стихотворение. Оно не читалось, оно проигрывалось, как пьеса. Кстати, не зря во времена Ломоносова и Пушкина стихи назывались «пиесами».

Неизгладимое впечатление оставило во мне одно из первых прочитанных Борей стихотворений — «Скрипка Маяковского»:

<i>Я — скрипка Маяковского,</i>	<i>Я — расщепленье атома,</i>
<i>Я — губы, я — рецепторы,</i>	<i>Я вынута из бронзовой.</i>
<i>Меня сломали плоские,</i>	<i>Залапали зарплатами,</i>
<i>Разворовали цепкие.</i>	<i>Заботами, забросили.</i>

Забыли, обесценили!   *Меняют декорации,*
Приходите — хорошие...   *Меняют освещение.*
Смотрите, как бесцельна я!   *Я — жертва деградации,*
Всё прожито, всё прошлое.   *Я музыка священная.*

Эти стихи не были опубликованы. Цитирую по памяти, поэтому могу где-то чуть-чуть ошибиться.

В наших поездках по Иркутской области, на встречах с читателями Борис Михайлович, проявляя своё чтецкое мастерство, пользовался несомненным успехом у слушателей.

В те годы мы довольно часто выступали по линии бюро пропаганды художественной литературы. Ездили в Ангарск, Усолье, Черемхово, Зиму, Тулун, Куйтун, Нижнеудинск, Тайшет. В Куйтуне были на могиле моей бабушки Анны. Помянули её. Уходя с кладбища, Боря произнёс: «Вот и слава Богу, что помянули твою усопшую бабушку». Не знаю, в то время или через несколько лет появилось у Бори стихотворение «Родительский день»:

*Помянем усопших родителей,
Вспомянем погибших друзей.
Печальны картины для зрителей —
Кладбищенский скорбный музей.*

*Могилка к могилке. Молитвенно
Живые приходим сюда.
Над каждой оградкой, над плитами
Главенствуют крест иль звезда.*

*Поймём — господа и товарищи —
Что может постигнуть людей
Война — всенародное кладбище,
Всемирный родительский день.*

*Земля приняла соплеменников,
Отныне на ней — неживых.
Так будем беречь современников!
Так будем поддерживать их!*

Читая «Родительский день», я как бы снова увидел Куйтун, старенький вокзал, дорогу через луга и пашни, ведущую в посёлок Лермонтовский, и, неподалёку от вокзала, дорогое моему сердцу куйтунское кладбище, о котором я тоже вспомнил в своих стихах:

*А потом путём печальным
В лес войду, где лист дрожит,
Где на кладбище вокзальном
Бабка Аннушка лежит.*

Мои друзья (да, в общем-то все иркутские писатели) с удовольствием слушали Архипкина на поэтических вечерах и в дружеских застольях. И в наших поездках, и в гостях у близких друзей за бутылочкой вина он читал с большой охотой и помногу. Последнее время мы почти нигде не выступали, поэтому, встречаясь у меня дома или в Союзе писателей, читали стихи друг другу. Боря всегда читал что-нибудь новое, и среди этого нового было немало серьёзных, пронзительных стихов:

*Благодарю тебя, Господь,
За монастырь, за мостовые,
За НАД лежащее и ПОД!
И мастер и мастеровые*

*Не удостоились креста?
Священнодействия лишились?
Творю моление листа —
Слезинки слабые скатились.*

*Россия — радостный глагол,
Твой воздух юн, твой ум испытан,
Граница белых облаков —
Многострадания избыток.*

*Благодарю тебя, Господь,
За неявленное явление!
Моя блуждающая плоть,
Мои молящие колени.*

В те далёкие семидесятые годы мы подружились очень быстро, потому что Боря привязывал к себе людей раз и навсегда, хотя сам ничего подобного о своих гипнотических свойствах не знал. Он жил, творил, сопереживал всему, что происходило вокруг него «в прекрасном и яростном мире», и был тем человеком, с которым было просто и легко.

Мы собирались нашей сплочённой поэтической братией то в Доме литераторов, то у меня дома, то в клубе авиазавода «Парус», то в шашлычной на берегу Ангары, и Боря часто куролесил вместе с нами. Скажу и не погрешу против истины, что он был всеобщим нашим любимцем.

Я настолько к нему привязался, что однажды отпросил его у мамы Ольги Васильевны к своему другу Саше Иванову на свадьбу в Тайшет. Мама отпустила Бориса, поскольку мне почему-то доверяла и, провожая нас за калитку дома на ул. Александра Невского, напутствовала меня такими словами:

— Вы, Володя, уж там за ним приглядывайте.

Боря меня в той поездке очень сильно напугал. Свадьбу играли в декабре, стоял жуткий мороз, градусник показывал минус сорок, но нам, молодым да разгорячённым весельем, всё было нипочём. Ночью, когда все уже захмелели, напелись и наплясались, родители жениха и невесты отправили молодёжь ночевать в отдельный дом, расположенный совсем неподалёку от места проведения свадьбы.

Мы, человек пятнадцать, собрались на предоставленный нам ночлег и понесли с собой всё, чем нас снабдили родители: кто нёс самовар, кто водку, кто продукты, кто подушки, кто простыни-одеяла. Боря тоже не остался в стороне. Он схватил матрас, свернул его в рулон, водрузил на голову, и мы с песнями двинулись вдоль по тайшетской улице.

От мороза звенела дорога, и кажется, сами звёзды позванивали над головой. Мы шли бойко, весело, нигде не задерживаясь. В доме среди всеобщей суеты одна девочка спохватилась, что в компании кого-то не хватает.

— Кого-то среди нас нет, — заявила она.

Стали пересчитываться, и вдруг меня поразило, как ударом грома: «Бори нет!» Мы с молодым офицером, товарищем жениха, выскочили во двор.

Крутнулись туда, сюда... Поздняя чёрная ночь. Пустая улица. Никого!

Стали осматривать закоулки, забегать в каждый подъезд ближних домов. Один дом, второй, третий — нет.

Меня бросило в жар. Всё! Недосмотрел. А вдруг Боречка уже где-то замерзает! Перебегаем на другую сторону улицы и в первом же подъезде натываемся на Борю. Он стоит внизу точно так же с матрасом на голове и воодушевлённо поёт арию князя Игоря из оперы Бородин: «О дайте, дайте мне свободу! Я свой позор сумею искупить!»

— Боря! — бросаюсь к нему, — ты как умудрился потеряться?

— Не знаю! — улыбается Боря, — отстал немного.

В этом эпизоде Боря весь со своей непосредственностью, той самой блаженностью, которая называется «не от мира сего».

А вообще-то, он и вправду человек от Бога. И в творчестве прежде всего. Борис Архипкин был удивительно талантлив. Поэт со своим незаёмным, только одному ему свойственным почерком, обрётённым его душой, его миром, собственным взглядом на всё, что его окружает. Если он в юности влюбился в девочку Гюльнару, то влюбился так, что переименовал Ангару именем возлюбленной:

*Губам хотелось губ, тепла.
На стенке радио играло.
Прозрачно Ангара текла
Под новым именем Гюльнара.*

Боря неожиданно, своеобразно рисовал. Опять же, так никто не рисовал, как он. Борис Архипкин был ИСТИННЫМ художником, как в слове, так и в рисунке. Истинным и в смысле «настоящим», и в том самом первоначальном смысле, который ближе к истине Господней. Ведь кроме всего прочего, а это было не прочим, а главным — он был глубоко верующим человеком. И в то же время был честнейшим, справедливым поэтом, который мог провидеть будущее.

Я в своём творчестве много раз обращался к имени Бориса Архипкина, но почему-то никогда посвящённые ему стихи не публиковал. С самых наших первых встреч я на выступлениях, которые вёл, представлял его аудитории как «самого молодого поэта Иркутска». Он, действительно, был самым молодым и самым удивительным поэтом в то наше немножко бестолковое, но светлое время. На последней книжке «Яблоко из двух» он, видимо, вспомнил себя юного и подарил мне эту книгу со следующими словами:

«Володе Скифу и его знаменитой семье от бывшего самого молодого поэта Иркутска. 23 мая 2001 г. Автор Б. Архипкин».

А первый автограф Боря оставил, конечно же, на книге «Стихотворения на льду». Как-то мы с ним говорили о его будущей первой книге. Его стихи мне представлялись яркими, не совсем обычными акварелями. К тому же как-то у меня дома во Втором Иркутске мы с ним всю ночь рисовали акварельными красками (все эти акварели у меня сохранились). Вот тогда я и предложил ему назвать свою первую книгу «Акварели». Боря улыбался в ответ, а я, представляя появление в свет этой книги, в 1974 году написал свои первые стихи, посвящённые Борису. Только через десять лет выйдет долгожданная его книга «Стихотворения на льду». И вот на ней — тот давний автограф:

**«Будь полной чашей, домик Скифкин... Радеющий о том Архипкин.
24.02.85 г. Скифам — Борис Архипкин».**

За вторую книгу «Тон», вкупе с первой, Борис Архипкин был принят в члены Союза писателей России. Боря очень серьёзно относился к выходу этой книги, поскольку она должна была стать не просто этапной, а главной книгой, предназначенной для вступления в Союз. И надпись на ней соответствует серьёзности совершаемого жизненного и творческого поступка:

«Вот видишь, Володя, я и сподобился! Спасибо тебе за всё! За долгие годы знакомства мы никогда не были поросятами по отношению друг к другу.

Да будет так и впредь!

Скифу и его присным автор Борис Архипкин. 18.09.94 года, город Иркутск».

В одном из своих стихотворений, посвящённых памяти иркутской художницы Галины Новиковой, Борис Архипкин писал:

*Люди Иркутска,
Смеяться не смейте
В день, когда вас
Покидает художник.*

*Помни о музыке!
Помни о смерти!
Каждый из нас
Этот список продолжит.*

Он не думал, не гадал о смерти, но список уходящих в мир иной талантов так провидчески предугадал и так некстати продолжил.